

Василій Петровичъ
ПЕТРОВЪ.

В. П. Петровъ.

П Р И К Л Ю Ч Е Н І Е

ГУСТАВА III,

короля шведскаго,

1788 года, юля 6-го дня.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1788 ГОДА

Приключеніе Густава III было написано въ концѣ 1788 г. и тогда же напечатано въ количество 50 экземпляровъ, изъ которыхъ ни одинъ не дошелъ до насъ. Сохранившіеся корректурные листы первой части были перепечатаны А. Н. Афанасьевымъ въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 года. Въ 1867 былъ найденъ полный списокъ съ рукописи „Приключенія,“ которое и было напечатано въ количество 100 экземпляровъ П. А. Ефремовымъ. Это изданіе въ настоящее время представляетъ изъ себя рѣдкость. Въ третій разъ произведеніе Петрова было напечатано П. А. Ефремовымъ въ декабрьской книжкѣ Русской Старины за 1878 г., откуда мы и взяли, какъ эти свѣдѣнія, такъ и самый текстъ. Настоящее изданіе печатается въ количество 200 экземпляровъ, изъ которыхъ въ продажу поступитъ только 150. Предлагаемый портретъ взять изъ числа изданныхъ Россійской Академіей портретовъ ея членовъ.

С. Т.

Густавъ,
Въ покоѣ жить уставъ,
Войной на Русь воздвигся;
По Карлову остригся
Въ страхъ русскихъ городовъ и селъ,
И чтобъ избыть въ здоровьѣ траты,
Одѣлся въ латы,
Какъ въ кожу льва оселъ:
Богатырина страшной,
Коль рокъ послужить вертопрашной!
Обстава пушками Нейшлотъ,
Онъ вывелъ въ море сильный флотъ.
Была велика ошибка!
И въ томъ Густавова немалая ошибка,
Что флотъ пустилъ безъ латъ.
Желая драться споро,
Онъ скоро
Потребовалъ заплатаъ;
Въ немъ часты сдѣлались прорѣхи.
Летали ядра, какъ орѣхи,
Картечи какъ горохъ;
Нѣтъ времени промолвить: охъ!

Затеръ Густавъ густую брагу:
Такъ надобно имѣть распить ее отвагу.
Понтъ тихъ,
Рокъ лихъ,
Стрѣльба не умолкаетъ;
Суда недвижны смерть толкаетъ
Со всѣхъ сторонъ,
Безъ милосердья ихъ рѣшетитъ,
И въ шведовъ безъ ошибки мѣтитъ;
Великъ уронъ!
Лишась отваги,
Неволей преклоняютъ флаги.
Густавъ велитъ налечь
И не жалѣть картечь;
Усталымъ снова жаръ вдыхаетъ,
И силой въ бой увѣчныхъ пхаетъ.
Но тщетны всѣ труды:
Густаву въ дракѣ носъ разбили до руды.
Кровавыхъ каплей видя росу
И трату кораблей,
Въ несчастну ночь
Дырявый флотъ онъ тянетъ прочь,
Для поправленія мачтъ, палубъ и рулей,
И для починки носу.
Лишь выступилъ на брегъ,
Искалъ уединиться,
И вздумалъ въ ближнюю долину уклониться,
Оставя всѣхъ.
Тамъ сталъ какъ вкопаной и голову повѣсилъ,
Воображая, что сегодня начудесилъ.
Тогда надъ нимъ полна
Свѣтила блѣдная луна,
Нигдѣ вокругъ не слышно было шуму;
Тѣмъ больше онъ погрузнулъ въ думу:
Не разъ свои полки въ умѣ пересчиталъ,
И средства разные, томясь, изобрѣталъ,
Съ котораго зайти бы боку,
Чтобъ рану дать Руси глубоку.

Среди задумчивости таковой,
Тѣнь Карлова къ нему подходитъ,
И обойма его, какъ человѣкъ живой,
Съ нимъ рѣчь сію заводитъ:
«Какой на морѣ звукъ
Надѣлалъ ты, мой внукъ?
Ажно я въ гробѣ пробудился.
За что на Русь ты такъ жестоко разсердился?
Я съ ней поставилъ вѣчной миръ;
Что значить сей кровавый пиръ?»

* * *

«Одѣвшись въ латы», —
Густавъ ему въ отвѣтъ,
«Я тщуся возратить утраты,
Что мой надѣлалъ дѣдъ».

К а р л ъ.

О! это, другъ мой, поздно,
Минуше ты забудь;
Коль было таково сужденье неба грозно,
Покоренъ року будь;
Ты прещь противъ рожна напрасно;
Кто вредной далъ тебѣ совѣтъ?
Съ соперникомъ своимъ согласно
Твой дѣдъ на свѣтѣ томъ живетъ;
Ему на здѣшнемъ подражая,
Съ Россіей дружно ты живи,
И, никого не обижая,
Отцомъ народа прослыви.

Г у с т а в ъ.

Однако, дѣдъ, вѣдъ то не худо,
Чтобъ былъ умаленъ Россъ?

К а р л ъ.

Но произвестъ такое чудо,
Мой внукъ, мнѣ мнится, не доросъ.

Г у с т а в ъ.

Какъ! иѣтъ такого силъ достатку
Во сродникѣ твоёмъ,
Чтобъ горду Русь нагнуть къ упадку?
Я льщусь успѣть со славой въ семъ,
Льщусь русскихъ разметать, какъ чурокъ;
Тѣмъ занятъ весь, на то иду;
Мѣшками золота отъ турокъ
На ихъ подкупленъ я бѣду:

Ты знаешь ли—межъ ихъ идетъ ужасна ломка,
И туркамъ плохъ въ сраженьяхъ прокъ;
Такъ твоего они потомка
Просили облегчить ихъ рокъ.

И я, вообразя о ихъ къ тебѣ заслугѣ,
Беру ихъ къ сердцу честь,
И въ брань вступаю надосугѣ;
Паю, затѣмъ что порохъ есть.

К а р л ъ.

Такъ ты воюешь, внукъ, за взятки
И ставишь подданныхъ подъ пушки на подрядъ!
Коль слабъ твой умъ и мысли шатки!
Ну, что, когда грѣхомъ съ тобой такой же лядъ
Послѣдуетъ, какой съ султаномъ?
Доселѣ, внукъ мой, жилъ ты паномъ;
Теперь военному вдавался труду,
Самъ кличешь на себя бѣду.

Г у с т а в ъ.

Такъ развѣ опускать мнѣ пользы очевидны
И лучшихъ случаевъ къ наживѣ тщетно ждать?
Твой мнѣ рѣчи, дѣдъ, обидны;
Ты долженъ по себѣ о внукѣ разсуждать.
Открыться на-прямки: я ту-жъ ко славѣ жажду
Питаю, какъ и ты.
Я мучился минуту каждую,
Мнѣ мало трона суеты,
Мнѣ сфера надобна пошире,

Повыше почестей амвонъ,
Чтобъ видѣнъ былъ я въ цѣломъ мірѣ,
И всѣ-бъ, уставя перстъ, кричали: вонъ онъ!
вонъ!

Какъ я къ тебѣ приближенъ,
Великій дѣдъ, родствомъ—
Хочу быть близокъ удалствомъ;
За тѣмъ-то я, взгляни, по твоему остриженъ!

*
*
*

Сколь не былъ Карлъ угрюмъ,
Неволей усмѣхнулся,
Подумавши—никакъ ума Густавъ рехнулся.
Но что-бъ возобновить въ немъ прежню
здравость думъ,

За сумасшествіе его не обличаетъ,

Но кротко отвѣчаетъ:

«Я вижу, ты себя по-дѣдовски остригъ,
Да волосовъ въ царѣ важна ли, внучекъ,
стрижка?»

Когда чрезъ то добротъ въ душѣ твоей нѣтъ
лишка,

Все въ мѣру твоего ты дѣда не достигъ».

*
*
*

«Какъ! я не дѣдъ?» Густавъ тутъ крикнулъ
велегласно;

«Я дѣдомъ быть искалъ всечасно,
Да имъ и сдѣлался, всю мочь употребя:
Всмотрись въ Густава ты, увидишь въ немъ
себя!»

То молвя, какъ солдатъ предъ тѣнью
выступаетъ,

Бросаетъ ноги вверхъ, бьетъ крѣпко въ земь
пятой.

Движеній разнотою

Почтеніе себѣ у дѣда покупаетъ.

Вдругъ, мечъ изъявъ кричитъ: «во фрунтъ!
стунай! рази!

Клади всю Русь подъ саблю!

Не значить ли сіе течь въ дѣдовской стези;
Я Карлъ и Карлова въ жизнь духа не оставлю!
О, жаръ какой въ груди моей скопленъ!
Мнѣ нужно было расходиться,
А то пойдетъ бѣда плодиться
И русскихъ неизбѣженъ плѣнъ».

* * *

Качая головой, тутъ Карлъ ему вѣщаетъ:
«Твой жаръ и похвальба,
Страхъ, ужасъ и пальба
Мнѣ, милый внукъ, отнюдь добра не обѣщаетъ,
Одумайся, смирись,
Моимъ примѣромъ умудрись.
Ты лучше бы прегрѣшности исправилъ,
Когда бы мирно правилъ.
Теперь шумя, бурля, взнимая гордо бровь,
Боюсь, надѣлаешь ты тратъ ужасныхъ вновь;
Отвага безъ ума—больша въ войнахъ помѣха,
И гнѣвъ безъ силъ достоинъ смѣха.
Ты въ сердцѣ разбуди къ отечеству любовь
И некрещеному престань дружить невѣждѣ:
Арабска золота дороже шведска кровь.
Не вѣрь прельщающей надеждѣ:
Обрушится тотъ можетъ въ мигъ,
Кто силъ не мѣряетъ своихъ.
Межъ нами молвить, внукъ, хотя и мнишься ты,
Среди поднятой суеты,
Быть страшенъ
На здѣшнемъ берегу;
Но лъзя ли утаить, что носъ тебѣ расквашенъ
На первый въ бой шагу,
Что шведскій флотъ разбитъ, растроченъ,
измочаленъ,
Что чернь и весь сенатъ тѣмъ сильно
опечаленъ,
И въ гробѣ принужденъ и я вздыхать: охъ, охъ!
Вотъ твой зачинъ! сколь выѣздъ въ море плохъ!»

* * *

«Великій предокъ!» —

Густавъ прервалъ съ сердцевоу:

«Между героевъ ты сколь храбростю ни рѣдокъ,
Дозволь себѣ сказать правдивы пять, — шесть
словъ:

Ты весь перемѣнился правомъ,
Мнѣ кажется, на томъ ты свѣтѣ поглупѣлъ;
Живя межъ смертными и бывъ въ разсудкѣ
здравомъ,

Ты то ли пѣлъ?

Любилъ подъ лаврами корону,
Ни людямъ не давалъ, ни пушкамъ угомону,
Ходилъ съ ружьемъ вблизи, вдали,
Всегда кричалъ: пали! пали!

Теперь меня склоняешь къ миру,
Чтобъ я бездушному подобенъ былъ кумиру,

Сидѣлъ

Безъ дѣлъ,

Поджавши руки,

И умиралъ со скуки.

Нѣтъ,

Милый дѣдъ!

И я хочу искать побѣдъ!

Коль тысячи людей моеи послушны волѣ,
Зачѣмъ на ратное и мнѣ не выйти поле,
Зачѣмъ не посадить съ разбѣгу на рога
Стариннаго врага?

Что жарко встрѣченъ я, въ томъ нѣтъ большой
потери,

Отворены и мнѣ впередъ къ побѣдамъ двери;

Премѣнно счастье на войнѣ—

Сегодня имъ, а завтра мнѣ.

А ты журишь меня,

Какъ глупаго молокососа;

Напоминаешь мнѣ расквашеніе носа,

Не кстати надо мной труня.

Ты счастья на войнѣ превратность самъ
извѣдалъ!

Я чаю—если ты не все забвенью предашь,

Что съиграно съ тобой
Насмѣшницей судьбой—
Ты помнишь тотъ разгромъ, ту вяху подъ
Полтавой,
Когда на вѣкъ разставшись съ славой,
Изъ боевой стѣны
Ты первый на-утекъ всѣмъ махомъ побѣжалъ
И чуть штаны
На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержалъ.
И послѣ, будучи и слабъ и хромъ отъ раны,
Не преставалъ ты бить тревогу въ барабаны,
Пока тебя ядро, ударивши въ високъ,
Повергло мертва на песокъ». *)

* * *

Тутъ Карлъ, чело нахмуря
И двигаясь какъ буря,
Весь гнѣвомъ запылалъ,
И изъ-подъ руки пыхъ за пыхомъ посылалъ;
Три раза кулакомъ на внука замахнулся;
Три раза отъ него внукъ съ нуждой увернулся;
Впослѣдокъ, разъярясь, онъ возопилъ: «Щенокъ!
Тебѣ ли получать побѣдами вѣнокъ?
Шишимора, не воинъ!
Не лавра—смѣха ты, или больше, слезъ
достойнъ!
Для безопасности отъ пуль
Запрятавшись ты въ латы,
Какъ въ крѣпкостѣнныя палаты,
Заранье всѣмъ далъ знать, что ты въ герояхъ нуль.
О, черепъ на хребтѣ носящая улитка!
Смѣшна твоя на брань попытка;
Смѣшонъ порывъ
Россіи сопротивъ!

---

*) Карлъ подъ Полтавой не убитъ; наканунѣ сраженія раненъ опасно въ ногу; въ сраженьяхъ качалка его пушечною картечью разбита, а онъ цѣль остался и бѣжалъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Бендеры. (Примѣч. въ рукописи),

Ты, злостью на нее пылая,
Не смѣлъ съ ней лвно рукъ смѣснить;
Но какъ лукавый песъ, не лая,
Хотѣлъ, подкравшись, укусить,
Пятой ее ударить въ зубы.

Оплакивай теперь свои поступки грубы,
Сумбуръ взысканій и угрозъ,
И, плача, утирай кровоточивый носъ.
Измѣнникъ отчества, свободы общей хищникъ,
Что подданныхъ кровью торгуешь какъ
барышникъ,

На кучу ты даровъ Абдуловыхъ взгляни
И, кучу съ оною тѣхъ мертвыхъ тѣлъ сравни,
Безвинно коихъ ты подвелъ подъ русски пушки.
Иль жизни ихъ, злодѣй, не стоятъ ни полушки?
Кто выучилъ тебя такъ мыслить, басурманъ,
Что, если королю угодно,

Премногихъ съ тратой душъ онъ можетъ
благородно
Свой златомъ набивать карманъ?

Ты, конча, въ-тай пріялъ магометанску вѣру,
Что преданъ туркамъ такъ надмѣру.

Надѣнь, надѣнь чалму,
Поклонникъ Магометовъ,

И свѣту покажи всему,
Что первый ты для мзды обрѣзался изъ
шведовъ.

Между даровъ тебя въ честь присланъ алкоранъ,
Абдуль и ты—души не слышите другъ
въ другѣ:

Великомочный онъ на югѣ,
Ты въ Нордѣ маленькой тиранъ;
Софы султанскія подпора,
Для боли сердца моего,
Въ бѣду отчества всего
И христіанству для позора.

Но, о второй визирь! Магмедовъ богатырь!
Когда ты такъ упоренъ
И здоровымъ мыслямъ непокоренъ,

Рѣшился Швецію преобратить въ пустырь,
Такъ слушай же тебѣ грозящія впродъ бѣдства.

Мнѣ всѣ войны открыты слѣдства;

Изъ устъ моихъ теперь

Внимай число твоихъ потерь:

Ты много тысячъ пудъ утративъ солонны,
Солдатамъ хлѣбъ твоимъ представишь изъ
мякины.

Они, его бдя не всласть,

Колькратно будетъ онъ въ ихъ горлѣ
становиться—

Тебя за симъ столомъ согласно будутъ клясть,
Желая тѣмъ тебѣ всѣхъ прежде подавиться.

Ты будешь казанье въ церквахъ читать какъ
попъ,

И ленты раздавать съ амвона,

Что-бъ твоего въ защиту трона

Охотнѣй тотъ, кто глупъ, на смерть свой
ставилъ лобъ.

Вельможи, видя то, въ-тай сердца будутъ плакать,

А чернь, розиня рты,

Дивиться, смѣючись, что ты

Снисходишь безъ чиновъ такъ въ публикѣ
калякать.—

Чтобы во твой предѣлъ недопустить врага,

Ты каменные мосты, смыкающа брѣга,

Велишь ломать отъ страху,

И то испортить съ-маху,

Что прежде бранныхъ бѣдъ

Стояло много лѣтъ.

Который чортъ и что тебѣ далъ за охоту

Губить безъ жалости рукъ собственныхъ работу?

Въ сильнѣйшемъ твоего неистовства жару,

Въ самомъ на бой яру,

Оружники твои къ отечеству равнодушны,

Окажутся тебѣ презрительно-ослушны.

Ты скажешь имъ: во фронтъ! о други, полетимъ!

Они тебѣ:—король, мы драться не хотимъ!

Вложи въ ножны свой клинокъ,

Иль, ежели ты смѣль,
Такъ выйдь противъ Руси одинъ на поединокъ.
Намъ ребры надобны и свѣтъ не надоѣль!—

А какъ тебя тутъ взбѣситъ,
Ты радъ бы всѣхъ ихъ съѣсть,
Но страхъ въ душѣ твоей всю лютость
перевѣситъ:

Ты долженъ нехотя досаду горьку снестъ.

Вскричишь, съ ума сойдя:
Казните дерзкихъ строго!
Но смекнешь разсудя,
Что ты—одинъ, ихъ много.
Не найдешь палача,
Самъ развѣ ихъ накажешь:

Кого нибудь по шеѣ смажешь
Рукой державной съ-горяча,
И тѣмъ явишь въ себѣ кулачника исправна.

Комедія забавна:

Царь будетъ гнѣваться, браниться, топотать,
А подданны надъ нимъ внутри сердца хохотать!—

Отъ одного державы края
Походъ къ другому простирая,
Черезъ горы, доли, рѣкъ струи,
Черезъ лѣсъ, потоки и ручьи,
То на конѣ, то пѣшій,
Шататься будешь ты, какъ лѣшій,

Туда

Сюда,

Голодныхъ воиновъ таская,

И ихъ до подлости лаская—

Съ тобою вмѣстѣ жить, съ тобою умереть;

А самъ назадъ всякъ часъ смотрѣть

Всѣ-ль идутъ за тобою слѣдомъ:

Чтобъ вмѣсто предлагаема врага,

Склоненьемъ въ сторону шага,

Не погнались куда невѣжи за обѣдомъ.

Рушенье видя стѣнгъ,

Лыдей твоихъ постыдный пѣвнъ,

Какъ нищій будешь ты просить о перемирьи,
Чтобъ датчане тебя не трогали, какъ чирьи:

Ты съ ними не дрался,
Ты съ этой стороны къ войнѣ не собрался.
Тутъ сдѣлаешься ты вдругъ кротокъ какъ овчка,
И снявъ чалму или шеломъ,
Постыдно будешь бить предъ стряпчими челомъ:
Замолвить за тебя противнымъ полсловечка;
Съ турецкимъ золотомъ развяжешь кошельки,
Самъ будешь ужъ дарить всей чливостью руки;
Войны ни перервать и продолжать не смѣя,
И что начать недоумѣя,
Замучишься тоской, свой видя близкій мать,
Абдулу, и дарамъ, и животу нерадъ.
Въ послѣдокъ довершить несчастье
И съ ногъ до головы чтобъ въ стужъ тебя
облечь—

Судьба изъ рукъ твоихъ исторгнетъ самовластье,
Служившее тебѣ, какъ бѣшеному мечъ.

Въ погибели людей и флота
Потребуетъ съ тебя отчета;
Ты станешь совѣсти на судъ
И будешь обличенъ, какъ скверный ты сосудъ,
Буянъ отъ хмѣля непокойный,
Монарша сана недостойный.
Представь, что будешь ты тогда,
Когда

Златая вольность вновь возникнетъ,
И весь народъ ура! ей въ радости воскликнетъ,
Кляня тиранскихъ вслухъ насиліе когтей;
Когда мечтамъ твоимъ поставятся предѣлы,

И перевязи бѣлы
У всѣхъ спадутъ съ локтей.
Итакъ ты былъ великъ неслишкомъ—
Военныхъ послѣ бѣдъ,
Презрѣннымъ будешь ты въ Европѣ
королишкомъ,
Иль какъ ненадобный для царства кормоѣдъ.

Нельзя уже тогда задрать тебѣ сосѣдей,
А развѣ на волковъ возстанешь и медвѣдей,
Или на кабановъ средь блатныхъ камышей,
И крысъ дворцовыхъ и мышей.
Не нужно тутъ ужъ войскъ, ни ядръ, ни пуль
свинцовыхъ—

Наступливай, драчунъ!
Одною головою,
Съ предлинной булавою,
Какъ Геркулесъ имъ дашь ты скоро карачунъ;
Всѣ твари мечъ твой, трясучись почуютъ!
Тогда-то ужъ, мой другъ,
Большой тебѣ досугъ—

Приобрѣтать вѣнки, трофеи, пирамиды.
Послушай-же, Густавъ, какъ можно не робѣй,
Всѣхъ гадинъ перебей;
Безъ панцыря и лушекъ
Дави лягушекъ

И что ни попадетъ все, вышедъ изъ земли;
Корыстями твои обвѣшай верей;
Чтобъ лапы ихъ, хвосты и мѣръ различныхъ
морды

Казаки издали твои побѣды горды.
Вотъ храбрости твоей сколь много будетъ
пробъ!»

Рѣчь кончилъ Карлъ и скрылся въ гробъ.

Изданіе С. Н. Троицкаго.

№ 20.....

С.П.Б.

ТИПОГРАФІЯ „СВІТЛО“. БОЛННОЙ, 1.

1906.

Изданіе С. Н. Тройницкаго.

Цѣна рубль.

С.П.Б.

ТРАПОГРАФІКЪ „СВЯТЫЙ“, СЕВЕРНОЕ, 7.

1906.